

ПРИМЕНЕНИЕ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

А. П. Гуляев,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (НОУ ВПО «Московская академия экономики и права», кафедра уголовно-правовых дисциплин, профессор)

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации предусматривает три вида мер принуждения, допускаемых при производстве по уголовным делам:

— задержание лица, подозреваемого (заподозренного) в совершении преступления, на срок до 48 часов;

— меры пресечения, которые можно применять к обвиняемым или подозреваемым лицам (заключение под стражу, домашний арест, залог, подписка о невыезде и др.);

— иные меры принуждения: временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество. Эти меры принуждения могут применяться к подозреваемым и обвиняемым, а обязательство явки и привод — к тем и к другим участникам уголовного процесса.

УПК России не относит к мерам принуждения обыск, выемку, принудительное помещение лица в медицинское учреждение для производства экспертизы, хотя эти действия явно имеют принудительный характер, их производство осуществляется в принудительном порядке и связано с вторжением в жилые и иные помещения граждан и организаций. Не случайно эти действия проводятся порой с участием специальных силовых структур.

Характеризуя практику применения мер принуждения в нашем уголовном процессе, надо признать, что в последние годы она в какой-то

мере приобрела сугубо репрессивный характер, выходя за рамки предназначения этих мер. Особенно это касается таких мер пресечения, как заключение под стражу, домашний арест, залог и даже подписка о невыезде, в том числе и в части чрезмерной продолжительности их применения, не соответствующей принципу разумного срока. Меры пресечения в уголовном процессе имеют обеспечительное назначение. Обеспечение выполнения функции правосудия и некоторых локальных задач, возникающих при производстве по уголовным делам, — вот каково назначение этих мер. И они не должны превращаться в самостоятельные репрессивные меры, сравнимые с мерами уголовной ответственности. Тем более, что они должны применяться с учетом принципа презумпции невиновности обвиняемого и возможной неточности первоначальной квалификации деяния, её завышения или ошибочности при возбуждении уголовного дела, что бывает, увы, нередко.

В своих ходатайствах перед судом об избрании меры пресечения или продлении срока её применения следователи часто бездоказательно, голословно ссылаются на одно или несколько оснований из числа указанных в законе, а судьи чуть ли не автоматически удовлетворяют ходатайства то ли из чувства корпоративной солидарности, то ли из предвзятой уверенности в правоте своих коллег, а то и по указанию сверху.

Вопрос усугубляется еще и тем, что порой тот же судья рассматривает данное дело по существу. Может ли он оставаться в полной мере объективным? Вопрос не риторический, и ответ на него очевиден.

При решении вопроса об избрании меры пресечения следователи и судьи зачастую не учитывают обстоятельства, обозначенные в законе как условия применения мер пресечения (возраст, состояние здоровья, семейное положение и др.). Поэтому в средствах массовой информации люди нередко выражают своё возмущение по этому поводу, по поводу бесчеловечности решения о применении к обвиняемому тяжелой меры пресечения, несовместимой с принципом гуманности, закрепленным в Уголовном кодексе. Кстати этот принцип не воспринят Уголовно-процессуальным кодексом, хотя для него Уголовный кодекс во многом является определяющим. Остается только рекомендовать следователям и судьям применять принципы гуманности и справедливости по аналогии. Считаю, что такие общие нормы уголовного закона — нормы нравственного содержания необходимо учитывать и исполнять при применении мер процессуального принуждения по уголовным делам.

Злоупотребления полномочиями нередко проявляются и в применении следователями и судьями таких мер принуждения, как выемка и наложение ареста на имущество, в том числе на ценные бумаги и документы. Наложение ареста на имущество в целях обеспечения гражданского иска или конфискации имущества производится зачастую:

— в размерах, неадекватных цели наложения ареста;

— с изъятием средств производства, учредительной и другой документации;

— неоправданным приобщением изъятых имущества, ценных бумаг и (или) документов к уголовному делу в качестве вещественных доказательств, причем производство по делу длится иногда годами.

А когда следствие оказывается в тупиковой ситуации и не имеет оснований направить дело

в суд, оно, как парализованное, искусственно избегает принятия реабилитирующего решения, тем более, когда вернуть изъятые имущество законному собственнику или владельцу по разным причинам, в том числе криминальным или полукриминальным, не представляется возможным. Подобной практикой причиняется существенный вред конкретным лицам или организациям, что отрицательно влияет на инвестиционный климат в стране.

Распространение порочной практики в применении мер принуждения на стадии предварительного расследования стало возможным, и в результате резкого повышения в 2007 году статуса Следственного комитета путем подчинения его Президенту страны (высшему должностному лицу государства) и одновременного сокращения полномочий прокуроров в надзоре за соблюдением законов при производстве предварительного следствия.

Усиление внутриведомственного контроля, при том, что новые властные полномочия руководителей следственных подразделений по отношению к следователям фактически лишили последних процессуальной самостоятельности, не только не компенсировало ослабление прокурорского надзора, но, напротив, привело к усилению подчинения следственного аппарата исполнительной ветви власти, хотя он по сути служит осуществлению правосудия по уголовным делам и является следовательно вспомогательным органом судебной власти.

Изложенные соображения делают, на мой взгляд, необходимым дальнейшее реформирование организационно-правового статуса следственных органов страны в следующем направлении:

1) объединение всех действующих следственных органов страны в единый Следственный комитет;

2) включение его в систему судебной власти (внесение соответствующего дополнения в Конституцию Российской Федерации);

3) законодательное обеспечение выборности руководителей следственных органов судейскими сообществами разного уровня.